

□ Эволюция власти 9: континентальные островные истории

□ В этой части мы рассмотрим два примера экзотической реализации морской компоненты стратегии в континентальных условиях.

Архипелаг Россия

В войнах Ареса у России был свой уникальный козырь: Бог сдал ей на руки джокер – умение вести горячую войну в условиях низкой инфраструктурной связности территории.

Для армий с тяжелым вооружением инфраструктурная связность России скорее была подобна островному архипелагу, чем континенту. Редкая сеть грунтовых дорог полноценно функционировала только в хороших погодных условиях. В непогоду они становилась труднопроходимой так же, как это происходит с паромными переправами.

Каждую осень и зиму на «архипелаг Россия» неотвратимо надвигался континентальный «сезон штормов». В затяжную непогоду транспортная доступность населенных пунктов из-за распутицы и лютых холодов становилась весьма условной, превращая их в отрезанные «штормами» от остального мира «острова» в безбрежном континентальном «океане».

Уникальной компетенцией России было умение реализовывать сложные формы социальной деятельности в условиях низкой, вплоть до экстремально низкой инфраструктурной связности территории. Эту особенность России европейские полководцы в целом рефлексировали, поэтому не очень рвались в походы, даже, несмотря на то, что Российская империя не была индустриальным колоссом. Но не было б войны, если бы не цивилизация Острова, которая мастерски манипулировала континентальными аристократиями, периодически сталкивая европейские с русской.

Особенности русской военной кампании

Русская армия умела вести войну в парадигме континентальной «морской» стратегии. Начиная кампанию, невозможно было предсказать насколько глубоко отойдет русская «армия-флот», когда и откуда вернется с «подарками». Особенности ведения войны в России наглядно визуализировал Михаил Илларионович Кутузов. Да и переход Суворова через Альпы был продолжением той же континентальной «морской» стратегии, только перенесенной в Западную Европу – врожденной способности русской армии перемещаться на континенте через зоны экстремальных инфраструктурных разрывов. Аналогично тому, как обычный флот преодолевает океанские инфраструктурные разрывы.

Континентальная империя-архипелаг Россия была неприступна ни для континентальных аристократий, ни для Острова, поскольку была «несудоходна» ни для тех, ни для других.

К первой Мировой войне Россия лишилась природного козыря. В ее европейской части оказалась сосредоточена промышленная инфраструктура, сдача которой стала критичной для военного потенциала страны, что потребовало ее позиционной защиты. Без перспективы глубокого отхода маневренная русская армия-флот превратилась в обычную континентальную армию, воюющую в сугубо континентальной позиционной стратегии.

В Великой Отечественной войне «морскую» континентальную традицию удалось отчасти возродить, что оказалось полной неожиданностью для противника. Грандиозная операция по эвакуации из европейской части СССР промышленного потенциала вернула армии перспективу глубокого отходного маневра, удержаться в рамках которой ей удалось до зимы. Грандиозную по масштабам операцию организовал Государственный Комитет Обороны, составленный из ненавистных просвещенным умам Сталина, Молотова, Берии, Ворошилова, Маленкова и примкнувших с ним позже Микояна, Вознесенского, Кагановича.

С наступлением зимы все пошло по обкатанному «морскому» континентальному сценарию. Россия как обычно

превратилась в привычный русским и экстремальный для европейцев островной архипелаг. Немецкая мотопехота утратила свое основное преимущество – возможность широкого обходного полевого маневра: она «тонула» в полях. Теперь ее части могли передвигаться только между «островами» (населенными пунктами) по ограниченному кругу функционировавших круглогодично «паромных переправ» (крупным магистралям), где их встречали неприветливые артиллерийские заслоны. Танковые части теоретически были в состоянии «ходить по морю». Но, во-первых, без поддержки пехоты это опасное мероприятие, во-вторых, танки тоже оказались жестко привязаны к «островам»: не успел до выработки горючего в баках добраться до очередного «острова» (населенного пункта), считай «утонул» (замерз).

«Морская» стратегия Ставки, позволила остановить немцев к зиме, за зиму изрядно потрепать, но самое главное, предоставила возможность освоить к лету контриггу их главному козырю – непревзойденному умению вести мобильную континентальную войну по тверди.

Еще одна континентальная «островная» история

Речь пойдет об империи монголов.

В начале XIII века Чингисхан консолидировал кочевой народ скотоводов в единое государство, стержнем административной вертикали которого стала армия. Можно сказать, что это было государство-армия.

Монголам сопутствовали выдающиеся военные успехи, которые невозможно объяснить случайностью или везением. Несомненно, присутствовал обеспечивший их ключевой фактор.

Общее место – жесточайшая дисциплина, стойкость и выносливость воинов, проистекавшая из дикости жизни, пассионарный заряд этноса. Однако ключевой фактор, позволивший создать самую большую в мировой истории континентальную империю площадью 24 млн. кв. км, был следствием базовой экономической компетенции – тотального кочевого скотоводства, которое стало источником невероятной мобильности армии монголов: ее основу составила многочисленная тяжелая и легкая конница. Про монгольского воина можно было сказать, что он родился с конем под седлом.

Доступные монгольской армии расстояния и скорость маневра, количество и качество перемещаемых сил превысили в тот момент возможности любой континентальной армии. Мобильность переброски через континентальные инфраструктурные разрывы большой поражающей мощи превышала возможности мощного океанского флота. Столь же мобилен был и продовольственный обоз, сохранявший свежесть пищи: вслед за монгольской армией гнали многочисленные стада скота.

Фактически, монголы сумели реализовать в условиях континента «морскую» компоненту военной стратегии, получив и ее стандартный бонус – возможность колониальной экспансии.

Мощный «флот» поддерживал анизотропность инфраструктурного разрыва между метрополией и колониями. Попытки преодолеть его, чтобы нанести ответный удар, заведомо перехватывались сильным и мобильным «флотом» еще на дальних подступах к «острову».

Уникальность монголов в том, что они предельно использовали примитивную экономическую доминанту, конвертировав ее в континентальную «морскую» стратегию.

Отношение монголов к развитию инфраструктуры «заморских» колоний было типичным для морской империи: минимальные вложения в колониальную инфраструктуру – те, что необходимы для изъятия колониальной ренты. В исполнении монголов традиция колониального инфраструктурного минимализма морских империй приняла крайнюю форму – только организационные вложения в инфраструктуру. Уровень экономического развития обусловил и предельно упрощенную форму экономической кооперации с колониями – взимание дани, без какого-либо, даже минимального, передела продукта.

Россия и монголы

Хотя Русь и была континентальным «архипелагом», но в истории с монголами ей не повезло – те оказались более продвинутыми континентальными «мореплавателями». Для монгольского «флота», не зависящего от состояния «паромных переправ», ее территория оказалась абсолютно связной. По отчаянности, выносливости, умению терпеть тяготы континентальных «морских» походов монгольские воины ничем не уступали русским. Противостоять ударной мощи сверхмобильного монгольского «флота» в условиях административной разобщенности славяне в течение некоторого времени оказались не в состоянии. Результат зафиксирован в истории – монгольское иго.

Однако у всякой медали есть обратная сторона. Не создавая новых межэтнических системных связей, монголы практически не разрушали традиционные, сохраняя сложность и целостность присоединяемых социумов (в этом они действовали в традициях континентальной стратегии). Взямая дань, они одновременно защитили от военных вторжений, предохранив от опустошений и существенно снизив уровень военных трат. Поэтому дань можно считать более чем эквивалентной платой за предоставление защитного зонтика для социогенеза русских племен. Под влиянием монгольского владычества русские княжества и племена были слиты воедино, образовав Московское царство.

Монголы вынудили русских всерьез совершенствовать мобильную «морскую» континентальную стратегию: казаки – те же русские монголы, но с важным отличием – стремлением к глубокой экономической и инфраструктурной интеграции присоединяемых территорий с Империей. Само слово "казак" тюркского происхождения, что значит "стража", "дозор", "легковооруженный всадник". Хорошо выученные уроки, подкрепленные пассионарностью этноса, экономическим и военным потенциалом России, привели к созданию огромной Российской империи. Спасибо за науку.

Март-декабрь 2012 г.

□